

Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 2)

Арсений Леонидович Сеница

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46), (sinita@econ.msu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>)

Аннотация

Несмотря на долгую историю реализации демографической политики, единого мнения о её результатах нет. В литературе достаточно подробно рассмотрены принципы и критерии оценки результативности, но в отношении отечественной политики мнения расходятся достаточно сильно. Тем не менее специалисты оценивают результаты как низкие, так как несмотря на успехи отдельных лет стабильный естественный прирост населения не достигнут. Результаты семейной политики тоже низкие, поскольку бедность семей с детьми очень высокая, а кризис семьи не преодолен. В статье рассматриваются некоторые пособия демографической и семейной политики, которые направлены на помощь молодым семьям и семьям с детьми. Отмечается, что пособия в целом не выполняют свою функцию, так как малы, чтобы оказывать заметный вклад в бюджет семьи, или не обеспечивают уровень жизни даже в размере прожиточного минимума. Показано, что чем более экономически развит регион, тем больше у него возможностей реализовывать более активную политику, хотя связь между уровнем экономического развития и объёмом помощи семьям с детьми не всегда прямая, однако различия между регионами велики. Сделан вывод о необходимости более подробного рассмотрения и других мер помощи семьям с детьми, а также о необходимости регулярного мониторинга региональных мер помощи семьям. Требуется повышение финансирования мер демографической и семейной политик и модернизация системы пособий. Также необходимо усиление мер семейной политики, которые нацелены на формирование потребности в семейном образе жизни и в нескольких детях в семье. Данная статья является второй частью исследования. В первой части рассмотрены цели, функции демографической и семейной политики и подходы к ним (см. выпуск журнала №1 за 2022 г.).

Ключевые слова: социальная политика, семейная политика, демографическая политика, меры политики, эффективность и результативность политики, региональная дифференциация, пособия

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ №21-011-31408 «Формирование и реализация демографической политики в современной России: концептуальные основы, целеполагание, механизмы и региональные особенности реализации, результативность и перспективы совершенствования».

Для цитирования: Сеница А.Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 2) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 2. С. 189–200. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.2.4

Введение

Объект исследования: государственная социальная политика и её составляющие.

Предмет исследования: меры демографической и семейной политик и их вклад в преодоление бедности и улучшение демографических показателей.

Цель исследования: анализ подходов к оценке результативности демографической и семейной политик и их отдельных мер на федеральном и региональном уровнях.

Гипотеза исследования: межрегиональные различия по числу существующих пособий и затратам на них велики, что обусловлено разным уровнем экономического развития и финансовыми возможностями регионов. Столь большие различия ставят вопрос о существовании единого социального пространства внутри страны. Для повышения низкой результативности демографической и семейной политик необходимо увеличение финансирования и усиление пропаганды детно-семейного образа жизни, а также снижение

межрегиональной дифференциации в отношении расходов на поддержку семей.

В первой части статьи мы рассмотрели цели, функции и подходы к демографической и семейной политикам. Особый акцент был сделан на их взаимосвязи в рамках социальной политики, что позволило показать подчинённое положение семейной политики по сравнению с демографической. Это ограничивает потенциал последней и создаёт проблемы, которых можно было бы избежать при более взвешенном подходе.

Остались нерассмотренными меры, с помощью которых пытаются преодолеть сложившиеся крайне неблагоприятные тенденции, и их результаты. Во второй части статьи мы рассматриваем подходы к оценке результативности и эффективности реализуемой политики и то, насколько реализуемые меры позволяют достичь заявленные цели. Этот вопрос является очень важным, поскольку ответ на него и отношение к мерам в значительной степени зависят от позиции автора по поводу целей и задач обеих рассматриваемых

политик. Это означает, что надо уделить особое внимание вкладу мер в повышение благосостояния населения, так как окончательные итоги реализуемой политики появятся нескоро. В первую очередь это касается рождаемости, так как для проявления результатов мер в области снижения смертности и регулирования миграции времени требуется гораздо меньше.

Регионы РФ сильно различаются между собой, поэтому при анализе результативности политики следует рассматривать индивидуальные особенности её реализации, делая особенный акцент на географических особенностях и экономической специализации регионов. Это позволит определить, какую роль в реализации политики играет качество управления, а не финансовая обеспеченность.

Подходы к определению результативности политики

Для семейной и демографической политик вопрос их эффективности или результативности является одним из наиболее важных, поскольку меры, реализованные в 1960–1990-х годах, не позволили преодолеть негативные тенденции. Этот вопрос в концентрированной форме говорит о том же, что было рассмотрено в первой части данной статьи, потому что достижение результатов зависит от качества стратегических документов и учёта интересов семей и их ценностных ориентаций.

Несмотря на то, что А.Я. Кваша писал об эффективности политики [21], в настоящее время принято говорить о её результативности [6: 7-11]. В.Н. Архангельский говорил, что речь об эффективности можно вести только если обеспечивается воспроизводство поколений. Однако некоторые исследователи говорят и об эффективности более широко [14]. Мы согласны с позицией В.Н. Архангельского и его коллег, так как эффективность является более строгим критерием достижения целей, а про результативность можно говорить в любом случае реализации политики, ведь какие-то результаты всё равно будут получены и основная проблема состоит в оценке их размеров. В обозримом будущем воспроизводство населения за счёт естественного прироста не прогнозируется, поэтому стоит говорить о результативности политики. Если говорить про критерии результативности, то стоит отметить, что зачастую в официальных документах они особо не оговорены, то есть критерием выступает сам факт реализации определённой меры, направленной на помощь семьям. Это означает важную роль авторской интерпретации результатов реализации политики, которая основана на экспертной

оценке, эконометрическом моделировании, социологическом опросе или ином методе оценивания результатов, и выбора критериев успешности политики и для каждой меры этот критерий должен быть своим. Например, введение определённой меры позволило увеличить рождаемость на 0,01 или 0,1 ребёнка на одну женщину. В рамках всей популяции женщин в репродуктивном возрасте это значит, что мера позволила обеспечить достаточно большое число дополнительных рождений и исследователю необходимо ответить на вопрос, стоят ли эти жизни понесённых обществом затрат. Примерно такой подход, но без ответа на последний вопрос реализован в [35].

Подходы к оценке результативности и эффективности демографической и семейной политик разобраны подробно [11; 15; 32]. Мы лишь отметим, что очень непросто понять, какие изменения являются непосредственным результатом реализации политики, а какие вызваны другими причинами. Это означает, что результативность должна учитывать не только количественные показатели, но и качественные. Пример широкого набора количественных и качественных целей, которые выступают хорошими показателями результативности политики в России приведён в [27]. Пример более общих, универсальных целей приведён в [34].

В отношении результативности политики есть две позиции, которые принципиально различаются. Согласно первой вмешательство государства в сферу демографии и жизнь семьи не имеет смысла, поскольку меры государственной политики не позволят изменить сложившиеся тренды, а воздействие на репродуктивные планы населения неэтично [8; 9; 16; 17; 18; 31]. В.В. Елизаров отмечал, что подавляющее большинство западных специалистов крайне скептически оценивали возможности политики народонаселения в отношении изменения демографической ситуации [11], так как увеличение пособий ведёт к очень скромным результатам [33]. Сторонники второй позиции выступают за реализацию активной демографической политики в России. Она необходима для преодоления крайне неблагоприятных демографических тенденций и повышения демографической безопасности [2; 3; 5; 26; 28]. Однако результат будет только при реализации комплексной продуманной программы демографического развития, которая учитывает специфику современного российского общества. Также есть достаточно нейтральные работы, в которых основной упор делается на теоретическом рассмотрении вопроса [19; 20].

Несмотря на различные подходы к оценке результатов демографической и семейной политик,

представители обоих направлений оценивают демографические результаты как явно недостаточные. Если первые говорят лишь о тайминговых сдвигах рождаемости [17; 18; 31], то вторые – о невозможности улучшения ситуации в условиях кризиса семьи [1] и более общего кризиса общества [22], без увеличения финансирования [11] и исчерпани эффекта новых мер политики.

Результативность семейной политики, по мнению специалистов, низкая. Это связано с наличием противоречий в законодательстве, отсутствием системности, недостаточным развитием механизмов реализации политики, недооценкой статуса и роли семьи [23]. Важной проблемой является и отсутствие единой обоснованной методики оценки результативности политики. В некоторой степени это вызвано большой дифференциацией регионов по финансовым возможностям и разным пониманием наиболее важных вопросов и их остроты. Однако это связано и с формальным подходом к формированию системы индикаторов и показателей, представленных в концептуальных документах [24] и невозможностью иногда отделить последствия реализации политики от последствий каких-то других процессов, параллельно протекающих в обществе. Так же, как и в случае демографической политики, результаты семейной политики проявляются спустя длительное время после начала реализации мер, что зачастую не учитывается при реализации программ, особенно на региональном уровне. Подробно о подходах и проблемах оценки результативности семейной политики см. в [25]. Авторы показали, что реализация репродуктивных намерений тормозится нехваткой финансовых средств в условиях значительной бедности семей с детьми. Это может свидетельствовать о неэффективности реализуемой политики и необходимости системных изменений и модернизации её многих механизмов.

Многие меры обеих политик подробно рассмотрены в литературе. Наиболее значимыми считается и материнский капитал, особенно для вторых и третьих рождений (см. [5; 13] и другие статьи этих авторов). Менее значимыми считаются отпуск по уходу за ребёнком, предоставление отпуска не только матери и субсидии на оплату детских садов [7], получение беспроцентной ссуды на покупку жилья [12] и предоставление земельных участков для строительства [4]. Наименее значимой мерой признаны родовые сертификаты, хотя данная мера важна для развития системы здравоохранения. В этой связи мы осветим те вопросы, которые обычно глубоко не затрагиваются, но являются очень важными.

Результативность мер государственной демографической и семейной политик

В первой части статьи мы показали, что на теоретическом уровне демографическая и семейная политики в значительной степени отождествляются органами государственной власти [29]. Это же справедливо и в отношении мер, которые одновременно реализуются в рамках обеих политик. Всего мы рассматриваем три меры, которые нацелены на повышение рождаемости и поддержку семей. Все они упоминаются в Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2025 г. и планах мероприятий первого и второго этапов по реализации концепции среди основных направлений, нацеленных на задачу повышения рождаемости, а также в плане мероприятий по реализации Концепции государственной семейной политики на период до 2025 г. Однако ожидаемые результаты обозначены очень расплывчато, что не позволяет понять, что же органы власти планируют получить в качестве итога их реализации.

Результат от введения отдельной меры оценить очень непросто, поэтому зачастую о результативности политики говорят лишь в целом (в какой степени она достигает поставленных целей). Однако можно рассмотреть финансовые затраты и вклад мер в благосостоянии семей и через это косвенно оценить результаты политики, что будет соответствовать логике органов исполнительной власти, которые считают, что рождаемость низкая в первую очередь из-за материальных причин, поэтому для её повышения нужны материальные стимулы, а кризис семьи упоминается редко. Отчасти это правда, особенно в отношении семей с детьми школьного возраста и семей с тремя и более детьми, поскольку пособий явно недостаточно, а на заработную плату сложно содержать зачастую даже двоих детей.

Тенденции обеспеченности жильём многодетных семей мы уже рассмотрели ранее [30] и сделали вывод о том, что доля многодетных семей, состоящих на учёте для получения жилья и улучшивших жилищные условия, в 2012–2018 годах сократилась. Динамика доли молодых семей, улучшивших условия проживания является противоречивой (см. таблицу 1). Улучшение в значительной степени происходит за счёт изменения числа семей, стоящих в очереди на улучшение условий проживания, тогда как число улучшивших условия имеет тенденцию к снижению. В нынешних обстоятельствах мы сомневаемся, что все, кто выбывает из очереди смогли решить свои жилищные проблемы.

Таблица 1

Показатели нуждаемости молодых семей в улучшении жилищных условий

Table 1

Indicators of Young Families' Need for Better Housing Conditions

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число нуждающихся семей	417611	415854	441563	416356	387683	357817	331601	312855	292700
Число семей, улучшивших жилищные условия	40805	35958	29932	23787	22768	21968	22765	23228	20555
Доля семей, улучшивших условия (в %)	9,8	8,6	6,8	5,7	5,9	6,1	6,9	7,4	7,0

Источник: данные Росстата.^{1,2}

Мы проранжировали регионы за каждый год по доле семей, улучшивших условия проживания. Для распределения регионов по уровню экономического развития мы использовали классификацию, представленную в [10]. Результаты свидетельствуют, что связь с уровнем экономического развития существует и в целом является прямой, но с географическим расположением региона она более заметна.

Среди высокоразвитых регионов к группе лидеров относились только Московская область, Ямало-Ненецкий АО и Тюменская область (без АО). К регионам с наиболее низкой долей относятся Республика Саха (Якутия) и Ненецкий АО. Несколько выше среднего ранги в Ханты-Мансийском АО, Республике Коми и Сахалинской области, но в двух последних регионах наблюдаются большие годовые колебания. Москва также показывает значительные колебания, но ранги ниже средних по стране. По Санкт-Петербургу данных почти нет, но имеющиеся позволяют говорить, что доля улучшивших жилищные условия в нём низкая.

Среди экономически развитых регионов выделялись два. Изначально Мурманская область имела очень высокие ранги, но в последние годы доля улучшающих жилищные условия понизилась до среднего по стране уровня. Томская область также имела высокие ранги и ситуация в ней была более стабильной. Ленинградская, Самарская, Ярославская области и Республика Татарстан в целом за весь период имели ранги выше среднего по стране. Регионы со средними и выше средних рангами, которые составляли большин-

ство в группе, концентрировались в Центральном ФО, Северо-Западном ФО и Приволжском ФО. В Сибирском ФО, наоборот, было много регионов с долей ниже среднего. К ним относятся Иркутская, Кемеровская, Омская области и Красноярский край.

Среднеразвитые регионы имеют средние значения доли семей, улучшивших жилищные условия. Однако среди них было два региона с очень высокими рангами (Тульская область, Камчатский край). Также в эту группу попали восемь регионов преимущественно из Центрального ФО со значительно выше среднего рейтингами и три региона с рангами выше среднего. Регионов с рангами значительно ниже среднего было всего пять и три из них располагались в Приволжском ФО (Оренбургская область, Республики Марий Эл, Чувашская). Регионы со средними значениями располагались преимущественно в Центральном ФО и Приволжском ФО.

Менее развитые регионы характеризуются очень большой неоднородностью. Среди них есть регионы с высокими рангами (Магаданская, Еврейская автономная области, Республика Адыгея) и рангами выше среднего (Амурская область, Карачаево-Черкесская Республика). Немного ниже среднего ранг был в Чукотском АО. Однако в регионах преимущественно Южного ФО и Северо-Кавказского ФО ранги были значительно ниже среднего. Также ниже или значительно ниже среднего ранги были в регионах Сибирского ФО (Республики Алтай, Тыва, Забайкальский край).

Прямая связь между уровнем экономического развития и долей молодых семей, улучшивших

¹ Число молодых семей, состоящих на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LQlodXUk/7-27.xls> (дата обращения: 05.02.2022).

² Число молодых семей, состоящих на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях и улучшивших жилищные условия в отчётном году // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/uEfA6ptQ/7-28.xls> (дата обращения: 05.02.2022).

жилищные условия, есть, но слабая и наблюдается не всегда. Однако географические закономерности более заметны. В Южном ФО, Северо-Кавказской ФО и Сибирском ФО ранги были в целом ниже и значительно ниже среднего по стране. В Уральском ФО, наоборот, ранги выше среднего. Приволжский ФО очень неоднороден, вероятно он является самым неоднородным среди федеральных округов. Центральный ФО, Северо-Западный ФО и Дальневосточный ФО тоже неоднородны, но ранги в них, скорее, выше среднего.

Следующей мерой является стандартный налоговый вычет, уменьшающий налоговую базу в отношении налога на доходы физических лиц, имеющих детей (п. 1 ст. 218 Налогового кодекса РФ). В зарубежных странах, особенно во Франции, налоговые вычеты являются важным инструментом поддержки семей с детьми. К сожалению, в настоящий момент у нас такой вычет осуществляет лишь номинальную поддержку, потому что не компенсирует даже 2% от очень скромного прожиточного минимума ребёнка (см. таблицу 2), а в регионах Крайнего Севера – менее 1%. В 2000 г., когда была принята ч. 2 Налогового кодекса, налоговый вычет на первого и второго ребёнка составлял 15,1% от его прожиточного минимума, а на третьего и последующего детей – 32,3%.

Чтобы вычет имел тот же вклад в бюджет семьи (составлял ту же долю от прожиточного минимума ребёнка), что и в 2000 г., необлагаемая налогом

сумма должна составлять 12028 рублей на первого и второго ребёнка и 27867 рублей на третьего и последующих детей. Если ограничиться уровнем 10% и 5% от прожиточного минимума, то необлагаемые налогом на доходы физических лиц суммы составят 8628 рублей и 18488 рублей в первом случае и 4314 рублей и 9244 рублей – во втором. Увеличение размера вычета предусмотрено планом мероприятий по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г., но необходимые изменения до сих пор не внесены в Налоговый кодекс РФ. При этом требуется и некоторое увеличение предельных значений заработной платы, которые учитываются при начислении вычетов, хотя и в меньшем объёме. Их необходимо поднять до 600–700 тысяч рублей, чтобы вычет начал затрагивать не только самых низкооплачиваемых работников, но и более обеспеченных.

Ежемесячное пособие на ребёнка в большинстве регионов составляет 100–300 рублей. На третьего и последующего ребёнка размер пособия увеличивается менее чем на 100 рублей. Это означает, что данное пособие тоже не выполняет свои функции.

Указ Президента РФ от 20.03.2020 № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» вместе с вносящим изменение в него указом от 10.03.2021 № 140 «О некоторых вопросах, связанных с осуществлением

Таблица 2

Соотношение стандартного налогового вычета на детей и прожиточного минимума ребёнка (в %)

Table 2

Ratio of the Standard Tax Deduction for Children to the Subsistence Minimum for a Child (in %)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Вычет на первого и второго ребёнка	15,1	12,1	10,1	8,7	7,8	6,3	5,6
Вычет на третьего и последующих детей	32,3	26,0	21,7	18,7	16,8	13,5	11,9
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Вычет на первого и второго ребёнка	4,9	4,1	3,7	3,3	3,0	2,9	2,6
Вычет на третьего и последующих детей	10,6	8,9	7,9	7,1	6,3	6,2	5,6
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Вычет на первого и второго ребёнка	2,3	1,9	1,9	1,8	1,8	1,7	1,6
Вычет на третьего и последующих детей	5,0	4,1	4,0	3,9	3,8	3,6	3,5

Источник: данные Росстата.³

³ Величина прожиточного минимума // Росстат. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения: 05.02.2022).

ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей"» является отчасти реакцией на пандемию COVID-19 и направлен на борьбу с бедностью в отношении наименее обеспеченных групп населения. Он относится к мерам семейной политики, вероятно, может считаться одним из элементов системы платежей в рамках безусловного базового дохода, поскольку имеет целью повышение дохода семьи с детьми до прожиточного минимума. В условиях значительной неопределённости и низкого уровня жизни подобная мера была необходима. Она требовалась и раньше, но лишь события 2020 г. позволили включить её в систему пособий. На момент подготовки статьи сведения за 2020 г. не были опубликованы Росстатом, но мы надеемся, что она повлияла на снижение бедности, прежде всего в семьях с тремя и более детьми. К сожалению, она ориентируется на скромный прожиточный минимум и не затрагивает тех, чьи доходы незначительно превышают его, хотя их тоже можно считать малоимущими. Также значительным недостатком является то, что данная выплата назначается на детей лишь в возрасте 3–7 лет. Вероятно, считается, что по достижению этого возраста дети идут в школу и родителям становится проще сочетать профессиональную деятельность с семейными обязанностями. Тем не менее эта мера является значительным шагом вперёд в борьбе с бедностью, потому что поддерживает семьи, когда многие пособия уже не выплачиваются, а проблемы с трудоустройством ещё сохраняются.

На региональном уровне его аналогом может выступать, например, ежемесячная денежная выплата нуждающимся в поддержке семьям (размер среднедушевого дохода которой не превышает двукратную величину прожиточного минимума трудоспособного населения) при рождении третьего и последующих детей до достижения ими возраста трёх лет в размере прожиточного минимума ребёнка. Введение такого пособия рекомендовалось Указом Президента РФ от 07.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». Она установлена почти во всех регионах. Исключениями являются Калининградская область, Республики Ингушетия, Чеченская, Дагестан и Краснодарский край.

Пособие по беременности и родам является пособием, назначаемым по медицинским показаниям, а не социальным, поэтому занятые имеют право на получение пособия в размере полной заработной платы. Пособие по уходу за ребёнком

является социальным пособием, направленным на поддержку семей, столкнувшихся со снижением уровня жизни после рождения ребёнка, но размер пособия не позволяет достичь эту цель. Если мы сравним размер пособия, выплачиваемого исходя из средней по региону заработной платы, то можно увидеть, что пособие не обеспечивает прожиточный минимум для родителя с одним ребёнком. С течением времени ситуация формально улучшается, однако есть важные нюансы, которые не позволяют делать оптимистичные выводы.

Переход от фиксированного размера пособия к расчёту в зависимости от заработной платы в 2007 г. привёл к положительным изменениям. Это позволило повысить уровень жизни семей с детьми и дало дополнительный стимул для официального трудоустройства. После присоединения Крыма и введения санкций против России экономика отреагировала снижением уровня жизни населения. Это касается и пособия по уходу за ребёнком. По мере её адаптации к новым условиям отношение пособия к прожиточному минимуму увеличивалось, но 100 % пока не достигнуто (см. таблицу 3).

Мы использовали среднюю заработную плату, а не медианную, кроме того расчёт достаточно примерный, для построения длинного временного ряда на федеральном уровне использовалась старая методика расчёта заработной платы (при использовании новой показатели ухудшатся на 10–15 проц. п.). Наконец, для ряда регионов важной проблемой являются вахтовики, заработная плата которых сильно влияет на рассматриваемое соотношение. Тем не менее даже столь ограниченный подход, который допускает корректировки на 3–4 проц. п., позволяет зафиксировать тенденции и региональные особенности и позволяет говорить о том, что необходимо увеличить размер пособия до хотя бы 50 % от заработной платы.

На региональном уровне мы рассматриваем данные с 2013 г. Они свидетельствуют о больших различиях между регионами и о том, что показатели по стране в целом были обеспечены за счёт небольшого числа наиболее обеспеченных регионов.

Высокоразвитые регионы имели наиболее высокое отношение размера дохода по уходу за детьми к прожиточному минимуму. Четыре из пяти регионов (Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО, города Москва и Санкт-Петербург), в которых данное отношение на протяжении нескольких лет было более 100 %, относились к этой группе. Высокие показатели отмечались также в Ханты-Мансийском АО. В остальных регионах значения были ниже. Наиболее низкими

Таблица 3

Отношение пособия по уходу за ребёнком до полутора лет к прожиточному минимуму взрослого с ребёнком (в %)

Table 3

Ratio of the Child Care Allowance for a Child Under 18 Months to the Subsistence Minimum for an Adult with a Child (in %)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Отношение	7,9	16,0	13,3	11,4	10,1	8,1	10,0
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Отношение	69,4	73,9	71,0	72,1	71,7	80,0	80,0
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Отношение	79,1	68,3	72,5	75,2	82,2	85,1	87,6

Источник: данные Росстата.^{4,5}

они были в Республике Коми (73,6 %) и Ненецком АО (75,7 %). Чуть выше оно было в Тюменской области без АО (78,6 %). Достаточно низким для данной группы оно было в Московской области (80,8 %). В остальных регионах отношение превышало 90 %, а лидерами являются Ямало-Ненецкий АО (113,5 %), города Москва (100,5 %) и Санкт-Петербург (100,8 %).

Остальные регионы заметно уступали высоко развитым. Так, в развитых регионах значения были ниже в среднем на 15–25 проц. п. Число регионов, в которых рассматриваемое отношение с 2013 г. снизилось, составило 9 из 21, что соответствует уровню высоко развитых регионов. Однако развитые регионы в наиболее сложный 2015 год имели очень низкие значения. Даже на этом фоне выделялись Томская (51,0 %), Ростовская (49,7 %) области и Красноярский край (35,2 %). Наибольшие значения были в Ленинградской (78,4 %), Кемеровской (77,2 %) областях и Республике Татарстан (74,2 %), которые тоже заметно выделялись на фоне прочих регионов. Среди развитых регионов не было ни одного, в котором отношение на конец периода составляло хотя бы 85 %, тогда как на начало периода в Ленинградской области отношение составляло 93,2 %. Этот регион является лидером за весь рассматриваемый период (84,2 %). На втором месте находится Кемеровская область (83,4 %), которая отстаёт совсем незначительно. Прочие регионы от них заметно отставали, даже несмотря на снижение в них значений отношения. Республика Татарстан расположилась на третьем месте (77,7 %). Относительно высокие значения для этой группы показали Мурманская (72,4 %), Омская (70,9 %) области. Выше среднего (68–70 %) значения были в Белгородской, Иркут-

ской, Свердловской областях и Республике Башкортостан. Наиболее низкие значения отмечались в Красноярском крае (48,8 %), также низкими они были в Новгородской (57,5 %) и Ростовской (57,3 %) областях. В оставшихся регионах отношение составляло 62–68 %.

Менее развитые регионы показали очень слабые результаты, и они заметно уступали всем рассмотренным до этого группам регионов. Несмотря на изначально низкие значения в пяти регионах из 14 отношение снизилось, причём во всех регионах за исключением Чукотского АО снижение составило более 10 %. Наибольшим оно было в Забайкальском крае (37,4 %), который изначально обладал достаточно высоким уровнем. В 2015 г. среднее отношение по этой группе регионов составляло всего 55,3 %, тогда как в 2013 г. – 64,7 %, а в 2020 г. – 65,0 %. Чукотский АО является в ней лидером и входит в группу из пяти регионов, в которой отношение хотя бы один год составляло более 100 %. За весь период значение составило 95,1 %. На втором месте Магаданская область (81,7 %). Остальные регионы значительно отставали от них. Относительно высокие значения (65–68 %) имели Амурская область, Республика Тыва и Забайкальский край. Очень низкие значения отмечались в регионах Юга России, в Республиках Кабардино-Балкарская (46,2 %), Дагестан (49,8 %), Карачаево-Черкесская (51,3 %) и Калмыкия (52,3 %). В трёх оставшихся регионах отношении составляло 54–57 %. Тем не менее из-за изначально низкой базы в большинстве регионов произошёл рост (в среднем на 11,6 %).

Среднеразвитые регионы являются наиболее крупной группой, которая характеризуется достаточно большой однородностью, поскольку в большинстве регионов (в 27 из 40) отношение

⁴ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1.xlsx> (дата обращения: 05.02.2022).

⁵ Величина прожиточного минимума // Росстат. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения: 05.02.2022).

увеличилось, но из-за сильного снижения в небольшом числе регионов средний по группе прирост составил всего 0,6%. Четыре региона сильно выделялись на фоне остальных из-за очень большого снижения: Алтайский край (на 29,8%), Республика Бурятия (на 23,8%), Тамбовская область (на 19,4%) и Калининградская область (на 14,2%). В следующем регионе, Тверской области, снижение составило всего 5,2%. В шести регионах прирост составил более 10%: Приморский край (10,6%), Камчатский край (11,1%), Республика Мордовия (11,7%), Волгоградская область (13,1%), Смоленская область (14,0%), Архангельская область без Ненецкого АО (18,8%). За весь рассматриваемый период отношение в среднеразвитых регионах в среднем составило 59,8%. Это меньше по сравнению с развитыми регионами и больше, чем в менее развитых регионах. Наиболее низким оно было в Псковской (47,6%) и Ивановской (48,6%) областях, а наиболее высоким – в Калужской области (70,4%) и Республике Бурятия (73,3%). Остальные регионы находились в диапазоне 52,1–69,0%.

Из-за ограниченности объёма статьи многие вопросы остались нерассмотренными, например, сколько квадратных метров жилья можно купить на материнский капитал, размер компенсации родителям, чьи дети не посещают детские сады по сравнению со стоимостью посещения (в тех регионах, где такие пособия существуют), стоимость посещения детских садов по сравнению с заработной платой и подобные. Также необходим регулярно проводимый мониторинг мер региональной политики, которые очень сильно зависят от региона и его финансового благополучия. Например, в Москве система мер гораздо более разнообразная и щедрая по сравнению с республиками Северного Кавказа. Без подобного мониторинга нельзя оценить эволюцию и результаты реализации мер на региональном уровне.

Обсуждение и заключение

Мы рассмотрели большое число пособий на федеральном и региональном уровнях хотя из-за ограниченности объёма в тексте приводим лишь несколько примеров. Наш анализ показал, что различия между регионами в отношении затрат на пособия семьям и социальной защищённости населения очень велики. Это позволяет поставить вопрос о том, в какой степени государственная политика обеспечивает социальное единство территорий и выравнивание уровня жизни в масштабе всей страны. Также очевидно, что система разовых (к определённому событию) пособий является адекватной и в значительной степени выполняет свои функции. Однако система регуляр-

ных пособий, направленная на поддержку семей, требует серьёзного увеличения финансирования, так как многие пособия малы и не оказывают заметное влияние на население и снижение бедности, например, ежемесячное пособие на ребёнка, пособие за постановку на учёт в ранние сроки беременности и другие. Это означает, что более важные регулярные пособия не выполняют свои функции в рамках семейной и демографической политик.

Система пособий достаточно разнообразна. Не хватает федеральных и региональных пособий для детей старше семи лет, но основная проблема – нехватка различных пособий, а недостаточное финансирование и разные финансовые возможности у регионов. Также можно говорить о некотором перекосе, поскольку приёмные родители находятся в более привилегированном положении по сравнению с обычными родителями. Зарплата им платится на протяжении всего периода, а пособия семьям с детьми старше семи лет полагаются далеко не всем, да и их размер обычно слишком мал. Это позволяет решить проблему большого числа сирот, но ставит родные семья в менее благоприятные условия. Поддержка малоимущих семей значима, поскольку направлена на то, чтобы даже они имели уровень жизни в размере прожиточного минимума, но эти пособия завязаны на размер прожиточного минимума. Если его увеличить с текущих очень низких значений, то в пособиях будут нуждаться гораздо больше людей, то есть формально ситуация ухудшится, но прожиточный минимум приблизится к своим изначальным функциям и потребует дополнительного финансирования.

Необходимо увеличение регулярных пособий и налоговых вычетов, в первую очередь для малодетных семей, доход которых выше прожиточного минимума, так как в настоящий момент для таких семей значительное число мер не оказывает заметного влияния на уровень благосостояния и поведение семей. Это важно, поскольку семьи с одним ребёнком – часто молодые семьи, которые могут родить ещё детей, если получат соответствующую поддержку.

В заключение стоит затронуть возможность достижения целей демографической и семейной политик с учётом сказанного выше в обеих статьях. Снижение смертности происходит не только в рамках демографической политики, но и рамках развития системы здравоохранения в целом. Система пособий весьма опосредованно касается снижения смертности. В большей степени необходима пропаганда здорового образа жизни, за что ответственны в первую очередь медики, и улучшение финансирования всех элементов системы

здравоохранения. Это означает, что цели в отношении смертности после прекращения пандемии достичь реально, а по младенческой смертности они уже достигнуты. Цели в отношении внешней миграции (даже если мы считаем миграционную политику частью демографической) в большей степени зависят от социально-экономической ситуации в регионе, а меры демографической политики оказывают гораздо меньшее воздействие. То же можно сказать и про внутреннюю миграцию. Возможно, цели миграционной политики не соответствуют экономическим и геополитическим приоритетам России, но они тоже достижимы. Следовательно, там, где демографическая политика имеет тесную прямую связь с другими направлениями государственной политики, цели могут быть достигнуты в разумные сроки. Демографическая и семейная политики влияют в пер-

вую очередь на достижение целей в области рождаемости, поскольку ни одно другое направление государственной политики не является прямо ответственным за эту сферу. Однако шанс обеспечить расширенное воспроизводство в будущем крайне мал. Это связано как с высокой бедностью семей с детьми, так и с низкой потребностью в детях. По данному направлению результативность политики низкая и её нельзя назвать эффективной. Необходима как модернизация системы пособий и повышение их размера, так и усиление в рамках семейной политики пропаганды детно-семейного образа жизни. Только комплексный подход с упором на вторую составляющую позволит улучшить реализацию имеющейся потребности в детях и повысить потребность в ещё одном ребёнке, что позволит сделать среднететные семьи массовым явлением.

Список литературы

1. Антонов А.И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. №4. С. 134–150.
2. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006. 192 с.
3. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль, 2002. 168 с.
4. Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г. Региональные особенности динамики рождаемости и демографическая политика // Уровень жизни населения регионов России. 2014. №1 (191). С. 73–82.
5. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Коротяев А.В., Шульгин С.Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. №3 (395). С. 43–50.
6. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Результативность демографической политики России. М.: Издательство «Экон-Информ», 2016. 307 с.
7. Бурханова Ф.Б. Семейная политика в России и Башкортостане в оценках экспертов // Социальная политика и социология. 2010. №8 (62). С. 136–155.
8. Вишневский А.Г. Постсоветское демографическое пространство: Восточная Европа или интегральная часть Европы // Мировая экономика и международные отношения. 1998. №5. С. 122–132.
9. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. Научные труды №53Р. М.: Институт экономики переходного периода, 2003. 90 с.
10. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2014. 48 с.
11. Елизаров В.В. Стимулирование рождаемости: от теории к практике // Уровень жизни населения регионов России. 2006. №5–6 (99–100). С. 91–104.
12. Елизаров В.В., Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г. Дифференциация оценок значимости мер помощи семьям с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Т. 15. №4 (214). С. 85–96. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10084
13. Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Материнский (семейный) капитал как программа поддержки семей с детьми: итоги реализации и перспективы развития (Часть вторая) // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. №4. С. 21–35. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.2
14. Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Региональные программы как инструмент региональной демографической политики // Региональная демографическая политика. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 10–42.
15. Еремин А.А. Теоретико-методические проблемы оценки эффективности региональной демографической политики // География и природопользование Сибири. 2015. №19. С. 62–77.
16. Захаров С.В. Перспективы изменения модели рождаемости в России // Народонаселение. 2004. №3 (25). С. 037–045.
17. Захаров С.В. Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1 // Демографическое обозрение. 2016а. Т. 3. №3. С. 6–38.
18. Захаров С.В. Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 2016б. Т. 3. №4. С. 6–26.
19. Исупова О.Г. Демографическая семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. №3. С. 51–83. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11636
20. Исупова О.Г. Чему учит опыт семейной политики // Демоскоп Weekly. 2017. №739–740. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0739/demoscope739.pdf> (дата обращения: 05.02.2022).
21. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.
22. Клунт М.А. Демографическая политика как искусство возможного // Вестник политической психологии. 2008. №1 (8). С. 27–31.
23. Кузин С.В., Кучмаева О.В. О реализации государственной семейной политики в современной России // Вестник университета. 2017. №1. С. 192–198.
24. Кучмаева О.В. Современные проблемы оценки эффективности семейной политики в Российской Федерации // Статистика и экономика. 2017. №5. С. 85–93. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-85-93

25. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12
26. Рыбаковский Л.Л. Накануне выбора: второй этап депопуляции или демографический рост // Народонаселение. 2013. № 4 (62). С. 039–049.
27. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Демографическая политика: определение, структура, цели // Наука. Культура. Общество. 2019. № 1. С. 100–111.
28. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Оценка эффективности мер демографической политики 1980-х годов // Социологические исследования. 2013. № 12 (356). С. 80–87.
29. Синица А.Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 1. С. 50–59. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.1.4
30. Синица А.Л. Политика в сфере улучшения жилищных условий многодетных семей в России: результаты и возможности // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 ноября 2019 г. Минск: СтройМедиаПроект, 2019. С. 290–293.
31. Фрейка Т., Захаров С.В. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 106–143.
32. Яковлева Е.Н., Крюкова И.В. Методические подходы к оценке результативности и эффективности региональной социальной и демографической политики: теоретический аспект // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2021. № 1 (47). С. 114–124. DOI: 10.6060/ivcofin.20214701.524
33. Blanchet D., Ekert-Jaffé O. The demographic impact of family benefits: evidence from a macro-model and from macro-data // The family, the market and the state in ageing societies / Ermisch J., Ogawa N. (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 79–104.
34. Chesnais J.-C. Les conditions d'efficacité d'une politique nataliste: examen théorique et exemples historiques // Proceedings of the IUSSP International population conference. Florence, 1985. Vol. 3. Liege: IUSSP, 1985: 413–425.
35. Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia // Labour Economics. 2014. Vol. 30. P. 265–281. DOI: 10.1016/j.labeco.2014.03.004

Информация об авторе:

Арсений Леонидович Синица – к.э.н., н.с. лаборатории экономического образования экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

(E-mail: sinita@econ.msu.ru), (elibrary AuthorID: 574240),

(ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>), (ResearcherID: E-6607-2017)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022; принята к публикации 12.04.2022.

RAR (Research Article)

doi: 10.19181/lspr.2022.18.2.4

Demographic and Family Policies as a Part of Contemporary Social Policy: Theoretical Approaches, Goals, Implementation Mechanisms, and Performance Assessment (Part 2)

Arseniy L. Sinita

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (sinita@econ.msu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>)

Abstract

Despite the long history of implementation of demographic policy, there is no consensus on its results. The principles and criteria for evaluating the results are discussed in great detail in the literature, but opinions differ greatly with regard to the domestic policy. Nevertheless, experts assess the results as low, because despite the success of certain years stable natural population growth has not been achieved. The results of family policy are also low, since the poverty of families with children is very high, and the family crisis has not been overcome. The article examines some of the benefits of demographic and family policy, which are aimed at helping young families and families with children. It is noted that the benefits in general do not fulfill their function, because they are small enough to make a noticeable contribution to the family budget, or do not provide a standard of living even at the level of the subsistence minimum. It is shown that, in general, the more economically developed a region is, the more opportunities it has to implement more active policies, although the relationship between the level of economic development and the amount of assistance to families with children is not always direct. However, the differences between the regions are significant. It is concluded that other measures of assistance to families with children need to be considered in more detail, and that regional measures of assistance to families need to be monitored regularly. It is necessary to increase funding for demographic and family policy measures and to modernize the system of benefits. It is also necessary to strengthen family policy measures aimed at creating the need for a family way of life and for several children in the family. This article is the second part of the study. The first part examined the goals, functions, and approaches to demographic and family policies (see Journal Issue No. 1, 2022).

Keywords: social policy, family policy, demographic policy, policy measures, policy efficiency and effectiveness, regional differentiation, benefits

Acknowledgements

This publication was prepared within the RFBR grant No. 21-011-31408 "Development and implementation of demographic policy in modern Russia: conceptual framework, target setting, mechanisms and regional specific features of implementation, effectiveness and prospects for improvement".

For citation: Sinita A.L. Demographic and Family Policies as a Part of Contemporary Social Policy: Theoretical Approaches, Goals, Implementation Mechanisms, and Performance Assessment (Part 2). Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 189–200. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.2.4

References

1. Antonov A.I. Current demographic trends and analytical projections, the problems of family and demographic policy in the social state. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2010. No. 4. P. 134–150. (In Russ.).
2. Antonov A.I., Borisov V.A. *Population dynamics in Russia in the XXI century and demographic policy priorities*. Moscow: Klyuch-S, 2006. 192 p. (In Russ.).
3. Antonov A.I., Medkov V.M., Arkhangel'skiy V.N. *Demographic processes in Russia in the XXI century*. Moscow: Graal', 2002. 168 p. (In Russ.).
4. Arkhangel'skiy V.N., Dzhanyayeva N.G. Regional characteristics of fertility dynamics and demographic policy. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2014. No. 1. P. 73–82. (In Russ.).
5. Arkhangel'skiy V.N., Zinkina Ju.V., Korotaev A.V., Shulgin S.G. Modern fertility trends in Russia and the impact of the pronatalist policies. *Sociological Studies*. 2017. No. 3. P. 43–50. (In Russ.).
6. Arkhangel'skiy V.N., Ivanova A.E., Rybakovsky L.L. *The results of Russia's demographic policy*. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2016. 307 p. (In Russ.).
7. Burkhanova F.B. Family policy in Russia and Bashkortostan in experts' assessments. *Social Policy and Sociology*. 2010. No. 8. P. 136–155. (In Russ.).
8. Vishnevsky A.G. Post-Soviet demographic space: Eastern Europe or an integral part of Europe. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1998. No 5. P. 122–132. (In Russ.).
9. Vishnevsky A.G., Abdreev E.M., Treivish A.I. *Prospects for Russia's development: the role of the demographic factor*. Scientific works No. 53 P. Moscow: Institute for the Economy in Transition, 2003. 90 p. (In Russ.).
10. Goliashv A.V., Grigor'ev L.M. *Types of Russian regions: stability and shifts in 2003–2013*. Moscow: Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2014. 47 p. (In Russ.).
11. Elizarov V.V. Stimulation of birth-rate: from theory to practice. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2006. No. № 5–6 (99–100). P. 91–104. (In Russ.).
12. Elizarov V.V., Arkhangel'skiy V.N., Dzhanyayeva N.G. Differentiation of assessments of significance of measures of assistance to families with children. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2014. No. 1. P. 73–82. (In Russ.). 2019. Vol. 15. No. 4. P. 85–96. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10084 (In Russ.).
13. Elizarov V.V., Dzhanyayeva N.G. Maternity (family) capital as a support program for families with children: implementation results and development prospects (Part Two). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020. Vol. 16. No.4. P. 21–35. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.2 (In Russ.).
14. Elizarov V.V., Dzhanyayeva N.G. Regional programs as a tool of regional demographic policy. In: *Regional population policy*. Moscow: MAK Press, 2012. P. 10–42. (In Russ.).
15. Eremin A.A. Theoretical and methodological problems of assessing the effectiveness of regional demographic policy. *Geography and natural resource management in Siberia*. 2015. No. 19. P. 62–77. (In Russ.).
16. Zakharov S.V. Prospects for changes in fertility in Russia. *Narodonaselenie*. 2004. No. 3. P. 037–045. (In Russ.).
17. Zakharov S.V. The modest results of the pronatalist policy against the background of long-term evolution of fertility in Russia. Part 1. *Demographic Review*. 2016a. Vol. 3. No. 3. P. 6–38. (In Russ.).
18. Zakharov S.V. The modest results of the pronatalist policy against the background of long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. *Demographic Review*. 2016b. Vol. 3. No. 4. P. 6–26. (In Russ.).
19. Isupova O.G. Population and family policy in different countries: conceptual approaches and practices. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7. No. 3. P. 51–83. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11636 (In Russ.).
20. Isupova O.G. What the experience of family policy teaches. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 739–740. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0739/demoscope739.pdf> (date of visit: 05.02.2022). (In Russ.).
21. Kvasha A.Ya. *Demographic policy in the USSR*. Moscow: Finansy i statistika, 1981. 200 p. (In Russ.).
22. Klupt M.A. Demographic policy as the art of the possible. *Bulletin of Political Psychology*. 2008. No. 1. P. 27–31. (In Russ.).
23. Kuzin S.I., Kuchmaeva O.V. The implementation of the state family policy in modern Russia. *Vestnik Universiteta*. 2017. No. 1. P. 192–198. (In Russ.).
24. Kuchmaeva O.V. Modern problems of assessing the effectiveness of the family policy in the Russian Federation. *Statistics and Economics*. 2017. No. 5. P. 85–93. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-85-93 (In Russ.).
25. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Bezverbnaya N.A. Current state and prospects of family policy in Russia: socio-demographic analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. Vol. 12. No. 6. P. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12 (In Russ.).
26. Rybakovskiy L.L. On the eve of the choice: the second stage of the depopulation or demographic growth? *Narodonaselenie*. 2013. No. 4. P. 039–049. (In Russ.).
27. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Population policy: definition, structure, objectives. *Science. Culture. Society*. 2019. No. 1. P. 100–111. (In Russ.).
28. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Assessing effectiveness of 1980th demographic policies. *Sociological Studies*. 2013. No. 12. P. 80–87. (In Russ.).
29. Sinitsa A.L. Demographic and family policies as a part of contemporary social policy: theoretical approaches, goals, implementation mechanisms, and performance assessment (part 1). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 50–59. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.4 (In Russ.).
30. Sinitsa A.L. Policies to improve the housing conditions of large families in Russia: results and opportunities. *Social knowledge in modern society: problems, regularities, perspectives*. Materials of the International Scientific-Practical Conference, Minsk, November 14–15, 2019. Minsk: StroiMediaProekt, 2019. P. 290–293. (In Russ.).
31. Frejka T., Zakharov S.V. Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives. *Demographic Review*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 106–143. (In Russ.).
32. Yakovleva E.N., Krukova I.V. Methodological approaches to assessing the impact and effectiveness of regional social and demographic policies: the theoretical aspect. *News of Higher Educational Institutions. The Series "Economics, Finance and Production Management"*. 2021. No. 1. P. 114–124. DOI: 10.6060/ivecofin.20214701.524 (In Russ.).
33. Blanchet D., Ekert-Jaffé O. The demographic impact of family benefits: evidence from a macro-model and from macro-data. In: *The family, the market and the state in ageing societies*, Ermisch J., Ogawa N. (eds). Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 79–104.

34. Chesnais J.-C. Les conditions d'efficacité d'une politique nataliste: examen théorique et exemples historiques. *Proceedings of the IUSSP International population conference*. Florence, 1985. Vol. 3. Liege: IUSSP, 1985: 413–425.
35. Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia. *Labour Economics*. 2014. Vol. 30. P. 265–281. DOI: 10.1016/j.labeco.2014.03.004

Information about the author:

Arseniy L. Sinitsa – PhD. in Econ. Sciences, Researcher, Laboratory for economic education Faculty of economics, Lomonosov Moscow State University.

(E-mail: sinitsa@econ.msu.ru), (elibrary AuthorID: 574240),

(ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8026-0619>), (ResearcherID: E-6607-2017)

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 11.02.2022; approved after reviewing 28.03.2022; accepted for publication 12.04.2022.